



ные страны предоставляют эмигрантам элементарные условия для жизни, которых, может быть, у человека не было и в своей стране, здесь, в глубинке, люди попадают в совершенно необычные для себя бытовые, житейские условия. Очень это все сложно. Моя же сложность в работе над фильмом заключена в том, что я должен рассказать и о нашей трагедии, и о нашей способности преодолевать эту трагедию своими силами, с помощью, разумеется, людей, новых друзей. А после Таджикистана началась уже Чечня, Босния, и стало казаться: ну что такого ужасного с нами-то произошло? Слава Богу, мы-то живы, с нами, в основном, все в порядке. Как-то сохранились и даже работают по профессии, ну что это за трагедия?! Вот тут и начались мои колебания.

какой-то круг общения, а ведь это, в конечном счете, и есть главное. Да и друзья прежних времен не оставляют, время от времени навещают. Вообще, вживание очень тяжелый момент. Создавая себе, невольно разрушаешь кому-то другому. Так и у меня получилось. Мы приехали сюда, и я понимал, что если, грубо говоря, я не освобожу это пространство для себя, то не смогу сделать здесь свой театр. Но для людей, которые здесь жили... Собственно говоря, театра здесь не было в тот момент, когда мы приехали: было здание, была не труппа, а отдельные актеры, но тем не менее с кем-то пришлось расстаться. Жестко, резко. Я знаю, что нанес незаживающие раны. Хотя в этом, наверное, есть объективная жесткость профессии: если не создашь сам себе усло-

что все условия были идеально выполнены, несмотря на то, что изменилось все, даже сама страна, в которой мы оказались. Это очень редкое качество – выдерживать слово, данное другим человеком. Разве такое возможно в России? Оказывается, возможно. Я поэтому сам очень остро чувствую свои обязательства перед городом, хотя ведь наша профессия изначально предполагает какую-то миграцию. Тем более, что киностудии здесь нет, и те фильмы, что я сделал за эти годы, были сделаны на другой базе. Что касается кино, это вообще вопрос большой, тут нарушена одна пропорция... слишком потропились кинематографисты отделиться от государства – оно само бы потом отделило их, а так – прозона подмена. Сначала надо было, как в цивилизованной стране,

тем, кого ты называешь новыми русскими. Когда мы увидим этот фильм на телеэкране?

– Не знаю, надо еще завершить работу. Сейчас самое сложное. Монтирую в телевизионной студии, поскольку киностудий, как я говорил, здесь нет – совершенно другая, новая для меня система работы. Монтирую, в основном, по ночам – днем фестивальное общение, репетиции в театре. Жизнь, в общем. Надеюсь, что этот фильм зрители все-таки увидят. Не знаю, насколько удадутся все мои задумки – о себе ведь очень трудно говорить, а фильм касается не только каждого из нас, оказавшихся в Магнитогорске, но и многих из тех, кто рассеян сегодня по бескрайним просторам российским. И не только российским.

Да, таких, как мы, это не может не заинтересовать, но как пробить такого, кто не пережил ничего подобного? Вот что для меня главное. Любую катастрофу надо почувствовать спиной, животом своим. Я, надо сказать, всегда считал себя довольно трусливым человеком, и вдруг, когда начались эти события в Душанбе, такой элементарный произошел случай. Продуктов в доме было до черта, мы ждали Анни Жирардо, она приехала, поэтому, конечно, мы заранее приготовились. А хлеба не было – хлеб ведь не запасешь заранее. Стрельба на улицах, кого-то убивают, кого-то ловят, обыскивают, а я пошел за хлебом – не потому, что я храбрый, а потому, что в доме гостя, мои дети, а хлеба нет. И так вдруг меняются представления о себе: раньше я никогда не мог понять – откуда у людей берется смелость, выходить из дома под пули? А потом понял: надо за хлебом, значит надо. И выходишь. И идешь. Под пулями. И нет никакого чувства преодоления страха, просто нет другого выхода: надо и идешь. Оказывается, человек способен приобрести это чувство... Фильм, конечно, не об этом, но мне кажется очень важным дать эмоционально почувствовать это состояние. Что значит после всего этого оказаться вне дома.

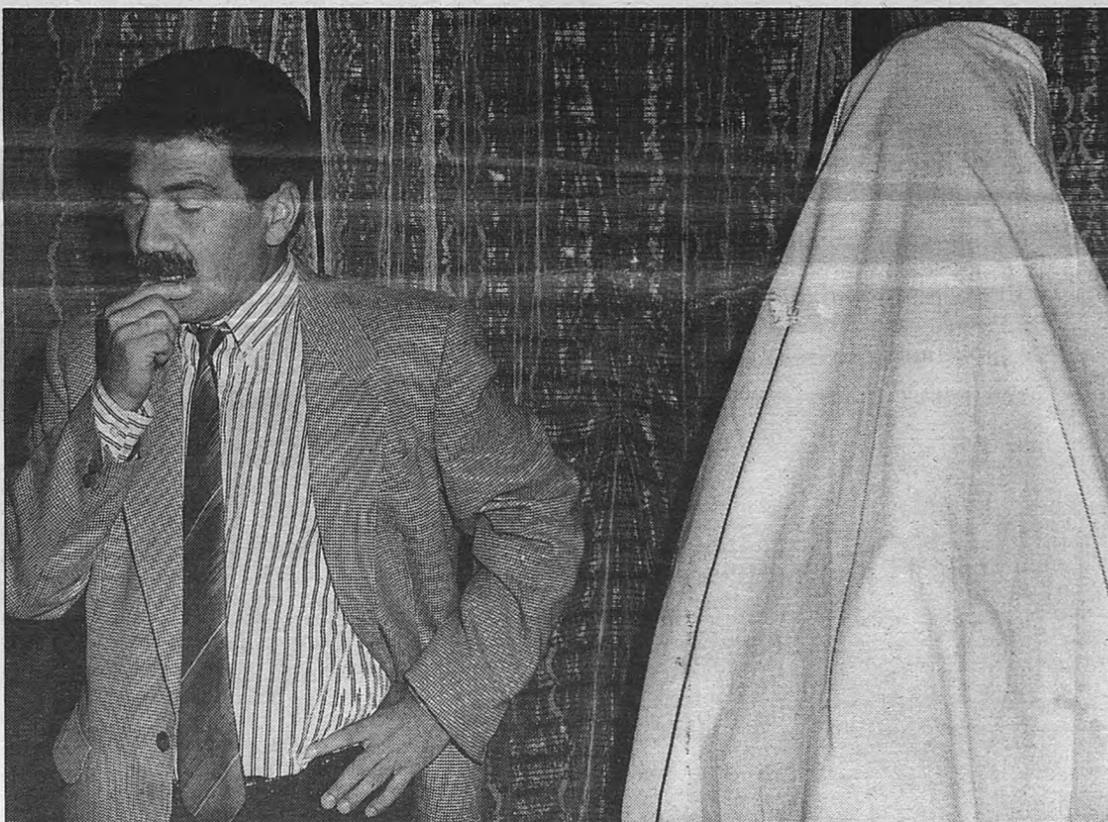
Я-то как раз от этого, наверное, больше всего и страдаю: разбросана семья, и непонятно, где ты урешь. Когда это очевидно, как-то не задумываешься над этой проблемой, а сейчас я ловлю себя на том, что невольно задумываюсь. Не потому, что собрался умирать, просто потому, что вне дома... Как вообще будет все это происходить? Какой будет здесь моя старость? Это не страшные мысли, нормальные. Человек должен думать о смерти. Это закономерно. Но хочется умирать-то среди своих. Так что сейчас идет у всех нас процесс организации своего пространства в новом месте. Он не завершился, хотя и начался несколько лет назад. Может быть, сейчас он воспринимается еще более остро. Потому что прошли эти первые несколько лет, когда важнее были другие проблемы.

И я не осуждаю тех, кто рвется домой. Моя двенадцатилетняя дочь – она не смогла здесь жить, она хотела домой: ей все равно, что там стреляют, для нее главное быть в своем классе, среди своих друзей. И она в Душанбе, с сестрой моей жены. Это же бред, что ребенок там без нас, но объяснить логически ничего невозможно! Старшая дочь с мужем и ребенком тоже в Душанбе, средняя – в Англии. И она там не на каких-то особых условиях, она точно так же борется за выживание, за существование. Ей тоже очень трудно. Я не знаю, когда ее увижу, и от этого еще труднее все становится. А жена в Москве.

Так и живем – новые русские.

# Новые русские: уточнение словаря

Беседовала Наталья СТАРОСЕЛЬСКАЯ



Кто-то из писателей сказал, что, прикоснувшись к одной личности, можно ощутить трагедию мира. Но вот можно ли ощутить трагедию мира, прикоснувшись, скажем, к нашему опыту?

– Вы приехали в Магнитогорск пять лет назад. Приехали людьми не просто достаточно взрослыми, сложившимися, а уже обремененными и семьями, и большим опытом жизни в совершенно иной реальности, и то, что здесь вы построили свой театр, это ведь уже великое счастье? Причем, не только для вас самих – я, пожалуй, нигде не видела таких зрителей: благодарных, эмоциональных.

– Да, конечно. Хотя ни о ком из нас я не могу сказать, что человек полностью прижился в Магнитогорске. Мы еще, как говорится, в процессе, но о возвращении не думает уже никто.

– А дети?  
– У всех по-разному. Мои дети, к сожалению, не смогли здесь жить. Не знаю почему: не смогли. А в других семьях все так или иначе встало на свои места. Дети адаптируются, у них появляются друзья, и все становится легче. У нас тоже, конечно, появляется постепенно

вня, никто их тебе не создаст. Мне пришлось расстаться с некоторыми актерами, которые явно были вне моего понимания театра, и пошла письма в их защиту и прочее. Однако и здесь оказались люди, близкие нам по крови, – они вошли в нашу труппу и, по-моему, очень органично ощущают себя в ней.

– А что, уже начали ругать? Раньше ведь, по-моему, были счастливы, что ты приехал в Магнитогорск.

– Ругать начали с первого дня. Я говорил о том, что пришлось с кем-то расстаться, и эти люди пытались разрешить конфликт с помощью газет, судов и так далее... Потом логически многие, наверное, рассуждали так: спаслись от трагедии, получили квартиры, побудут какое-то время и уедут.

– А если так думали – зачем давали квартиры?

– Здесь вообще оказалась занятная ситуация: те, кто давали, были совершенно другие люди, чем теперь. Когда мы вели переговоры, это ведь вообще еще Советский Союз был, говорили с горьком, прочими инстанциями. За эти годы руководство города сменилось два или три раза, и я был поражен тем,

наладить рынок сбыта, а потом уже производить продукцию, а тут все получилось наоборот. Сейчас в стране фильмы снимать возможно, но вот найти на них покупателей... И фильмы уходят в песок. Это несчастье – зачем снимать кино, когда никто его не увидит, кроме горстки специалистов? Самое массовое из искусств – ну, не ирония ли судьбы?! И случилось так, что весь рынок захвачен американцами, а наше кино как в подполье существует... Конечно, это настоящее несчастье: мы потеряли прокат, зрителя. Теперь зритель может быть, и хочет посмотреть тот или иной фильм, но... Впрочем, так и все у нас в стране – почему-то и сахар выгоднее везти из Китая, и пшеницу из Новой Зеландии. Своя продукция стала дорогой...

Кинопроизводство – настоящий бизнес, это не театр; театр, в конце концов, по классической схеме – коврик и два артиста, а кино – настоящее производство, не проскочишь...

– Так мы плавно свершили в нашем разговоре круг и снова вернулись к началу. К твоему фильму, который сейчас монтируется; к